

INSPIRIA

САМАЯ МИЛАЯ ПАРА

ОНИ
КАЗАЛИСЬ
ИДЕАЛЬНОЙ
ПАРОЙ.

А ПОТОМ
ОН ИСЧЕЗ.

МЭРИ КУБИЦА

INSPIRIA

Мэри Кубица
Самая милая пара
Серия «Ток. Domestic-триллер.
Тайны маленького городка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73973237

Мэри Кубица «Самая милая пара»: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2025

ISBN 978-5-04-247402-6

Аннотация

Автор бестселлера «Пропавшая».

Две супружеских пары, две близкие подруги, один пропавший муж...

Джейк Хейз пропал. Это единственное, что известно наверняка. Сначала его жена Нина думает, что он просто ушёл к другу после их бурной ссоры накануне. Но проходит день. Два. Пять. А Джейк так и не появляется.

Лили Скотт, подруга и коллега Нины, подозревает, что именно она могла быть последней, кто видел Джейка перед исчезновением. Откровенно поговорив с мужем Кристианом, Лили решает: никто не должен узнать, что произошло в тот день – особенно подруга.

Но Нина не останавливается – копает глубже. Идеальная картинка разваливается, дружба трещит. А правда? Она разрушит всех.

Пропавший муж – только начало.

Кубица держит напряжение на высоком уровне, по мере того как секреты раскрываются, а подозрения растут. Динамичный, запутанный domestic-триллер». – KIRKUS REVIEWS

«Любители неожиданных концовок будут в восторге – финал этой истории невозможно предугадать!» – LIBRARY JOURNAL

«Вы не будете знать, кому верить, пока не дочитаете до конца. Остросюжетная драма о браке, доверии и секретах – этот роман захватывает сразу и не отпускает до последней страницы!» – ЛОРА ДЕЙВ, автор бестселлера «Последнее, что он сказал мне»

«Мэри Кубица в своём лучшем воплощении – интрига, неожиданные повороты и тайны на каждой странице. Книга, которую невозможно отложить!» – САЛЛИ ХЭПВОРС, автор бестселлера «Семья по соседству»

«Мастерски написанный триллер о лжи там, где мы её меньше всего ожидаем, и о том, как одна случайная неправда может разрушить всё. Захватывает с первых страниц и держит в напряжении до самого конца!» – ЭШЛИ ОДРЕЙН, автор бестселлера «The Push»

Содержание

Пролог	6
Кристиан	8
Нина	15
Кристиан	23
Нина	30
Кристиан	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мэри Кубица

Самая милая пара

Mary Kubica

JUST THE NICEST COUPLE

© 2023 by Mary Kyrychenko

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Для Рэйчел

Пролог

Я замираю, пячусь. Вскидываю руку и зажимаю рот.

Голос в голове кричит: беги. *Беги.*

Не могу. Я парализована шоком и страхом. Они держат меня, как якорь держит корабль. Ноги словно приросли к земле. Не могу оторвать глаз, не могу поверить в то, что вижу. Я задыхаюсь, сердце колотится у горла, пульс бьется в жилке на шее, грохочет в ушах.

Беги, кричит голос в голове. *Беги. Беги, черт возьми.*

На земле, прямо передо мной, что-то шевелится. И звук, дикий и злобный. Сквозь страх и шок пробивается понимание, что если я не уйду сейчас, то, может быть, и не уйду отсюда живой.

Поворачиваюсь. Все случается мгновенно. Только что стояла как прикованная и вот уже мчусь, словно ветер, и мир проносится мимо смазанными формами и красками, пятнами и полосами – бурыми, синими, зелеными. Я не чувствую движения ног. Не чувствую земли под ногами. Я не оглядываюсь, хотя меня так и тянет оглянуться, бросить взгляд через плечо – убедиться, что я одна. Что за мной никого нет. И все же я не оглядываюсь. Слишком рискованно. Оглянусь – потеряю драгоценные секунды, а их у меня нет. Оглянусь – и эти секунды станут моими последними.

Звуки. Откуда? Не могу понять. Или это только мой

пульс, моя кровь стучит в ушах?

Или там кто-то есть?

Что-то касается волос... спины. Я рвусь изо всех сил, лечу вперед и падаю, ударяясь коленями и локтями.

Мир застывает на месте.

В голове только две мысли: *остаться живой* и *все должно было случиться не так*.

Кристиан

Лили сидит в кожаном кресле в гостиной, спиной ко мне. Каштановые волосы рассыпались по подголовнику. Она смотрит на телевизор на противоположной стене, но он выключен. Сейчас телевизор – просто темный ящик, и я вижу в экране отражение Лили, вот только не могу сказать, открыты у нее глаза или нет.

– Эй, привет. – Я прохожу через гаражную дверь, тихонько закрываю ее за собой и снимаю обувь. Кладу на столик телефон и ключи. – Как прошел день?

Темнеет. Солнце вот-вот сядет.

Лили не включила свет, и в доме сумрачно и серо. Окна у нас смотрят на восток, так что красивых закатов мы не видим.

Лили не отвечает. Должно быть, уснула, прямо сидя в кресле. Такое с ней не впервые. В последнее время она очень устает. Беременность дает о себе знать, не говоря уже о том, что она преподает и едва ли не целый день на ногах. Ее это все выматывает. Раньше, приходя домой, я обычно заставал ее на кухне, где она готовила ужин, но в последние несколько недель после работы у нее не остается сил даже просто держаться на ногах. Что обед не готов, меня не волнует. Я не из тех, кому обязательно требуется вечером домашняя еда, но Лили воспитана именно так. У них в семье мать всегда

готовила обед для отца, и Лили считает, что должна делать то же самое для меня. Она и сегодня уже извинялась, что не в силах заняться готовкой, и жаловалась, что ее тошнит, так что я позвонил из машины и заказал доставку еды – ее привезут с минуты на минуту.

Тихонько вхожу в гостиную, обхожу кресло и останавливаюсь перед Лили. Я ошибся, предположив, что она уснула. Глаза у нее открыты, но выражение лица отсутствующее. Кожа серая, без намека на румянец, и я списываю это на плохое освещение.

Лили поворачивает голову и смотрит на меня, как будто в замедленной съемке.

– Эй, ты в порядке? – негромко спрашиваю я и улыбаюсь. – Не разбудил?

Включаю настольную лампу, и Лили жмурится от яркого света; глазам нужно время, чтобы привыкнуть. Извиняюсь и, присмотревшись, понимаю, что причина ее бледности не в слабом освещении.

Волосы у Лили влажные; на ней бордовые джоггеры и худи. Значит, вернувшись домой, она приняла душ и переоделась; для нее это много. Больше, чем обычно. Зачастую она просто падает на диван и не встает, пока не придет время ложиться спать.

Я опускаюсь перед ней на колени. Протягиваю руку, глажу по волосам.

– У тебя усталый вид, милая. Хочешь в постельку? Я могу

помочь тебе подняться. Скоро привезут заказ, и я принесу поесть в комнату.

Лили трижды моргает, как будто у нее туман в глазах, и наконец отвечает. Голос поначалу хриплый и сухой, как будто она весь день кричала на трибуне, подбадривая любимую футбольную команду. Впрочем, день преподавания математики в школе отнимает не меньше сил и уничтожает не меньше нервов.

– Нет. – Она качает головой. – Я в порядке. Просто устала. Такой долгий день.

– Точно не хочешь? Я бы и сам не против поесть в постели. – У меня тоже был долгий день, но сравнивать несправедливо, ведь она носит нашего ребенка.

– Представляю, как мы все испачкаем.

– Обещаю, что буду аккуратен.

Лили улыбается, и мое сердце тает. Люблю, когда она мне улыбается.

– Когда это ты был аккуратным?

– Никогда, – признаюсь я. Она уже подшучивает надо мной, и мне легче. Я много читал о том, как проходит беременность у женщин, и знаю, что в первом триместре они устают так, как не уставали никогда в жизни. Вынашивание ребенка отнимает много сил. Вырастить его тоже дело нелегкое, но до этого нам еще далеко.

– Тебе что-нибудь нужно? – спрашиваю я, и она качает головой.

Вот и заказ доставили.

Уговариваю Лили сесть со мной на диван, где помещаемся мы оба. Смотрим телевизор и заодно рассказываем друг другу, как прошел день. Сегодня она больше молчит и слушает. Я работаю аналитиком маркетинговых исследований, а Лили преподает алгебру в средней школе. Мы познакомились в колледже, где нас свела любовь к математике. Когда мы говорим об этом людям, они обычно смеются. Мы оба немного помешаны на математике.

Подходит время ложиться. Лили поднимается в спальню первой, и я слышу, как шумит вода, когда она умывается. Я прибираюсь после ужина, выбрасываю контейнеры из-под еды в мусорное ведро.

На крыльце меня ждет пакет. Я выхожу за ним на улицу. Ночь темна, хотя небо чистое. Наверное, это новолуние.

Возвращаюсь в дом. Лили стоит на верхней ступеньке лестницы, в темноте, но за спиной у нее свет из спальни. Она сняла те свои бордовые джоггеры, и теперь на ней моя фланелевая рубашка. Стоит одна нога на другой, волосы убраны назад, лицо еще мокрое после умывания.

– Не забудь запереть дверь, – говорит она через перила, промокая лицо полотенцем.

Я бы и без напоминания не забыл. Я никогда не забываю. Да Лили обычно и не напоминает. Поворачиваюсь, проверяю, закрыта ли штормовая дверь ¹, потом закрываю и запи-

¹ *Штормовая дверь* – дополнительная наружная дверь (часто легкая, со стек-

раю на засов входную.

Наш дом стоит на большом участке. Снаружи он старый, но внутри полностью обновленный, современный, с верандой в стиле ранчо, балочными потолками и кирпичным камином. Лили влюбилась в него с первого взгляда, и я знал, что не смогу отказать, несмотря на цену. Более современных удобств в доме было предостаточно: холодильник, техника из нержавеющей стали, полы с подогревом и большая ванна с гидромассажем. В эстетическом плане дом как минимум приятен и имеет немало достоинств как объект недвижимости. Покупка обошлась недешево, но в тот момент я чувствовал, что оно того стоит, даже если нам и пришлось на какое-то время затянуть пояса.

На заднем дворе, у дальнего края участка, протекает река, вдоль которой проходит общественная пешеходная и велосипедная дорожка. Поначалу, когда мы только переехали, нас беспокоило некоторое отсутствие приватности. Дорожка приводит к нашему участку разных людей: незнакомцев и случайных прохожих. Большую часть года это не проблема, потому что кроны деревьев обеспечивают уединение. И только когда листья опадают, мы открываемся посторонним взглядам. Но, с другой стороны, вид на реку компенсирует это небольшое неудобство.

лом или сеткой), которую ставят перед основной, чтобы защитить вход от ветра, дождя, холода и сквозняков. – *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

– Закрыл, – говорю я, имея в виду двери, и Лили спрашивает, включил ли я сигнализацию.

Мы прожили здесь несколько лет, и я уже не помню, когда включали сигнализацию, так что ее вопрос немного неожиданный.

– Все в порядке?

– Да, все хорошо. – Лили говорит, что раз уж у нас есть сигнализация и мы платим за нее, то почему бы нам ею не пользоваться. Вообще-то жена права, просто раньше она об этом не вспоминала.

Я включаю сигнализацию, обхожу весь первый этаж, выключаю свет. На все уходит минута, вряд ли больше. Закончив, поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Лили уже выключила свет в спальне и стоит у окна, спиной к двери. Раздвинула пальцами жалюзи и всматривается в ночь.

Я неслышно подхожу к ней сзади, кладу руку ей на поясницу.

– На что ты смотришь? – Наклоняюсь, опускаю подбородок на ее плечо и тоже смотрю в щель.

Она вдруг отступает от окна и отдергивает руку от жалюзи. Я ее напугал. Лили инстинктивно сжимает кулаки, словно уже готова ударить меня.

Я делаю шаг назад и в сторону, уклоняясь от удара.

– Спокойно, Рокки.

Лили замирает с поднятыми руками.

– Черт, извини, – говорит она, поняв, что едва не ударила

меня. Похоже, мы оба немного ошарашены.

– Что это было? – спрашиваю я и мягко беру ее за руки. Обычно Лили спокойнее. Вот такой, как сейчас, я никогда ее не видел.

– Не знала, что это ты.

– А кто еще это мог быть? – в шутку спрашиваю я. Кроме нас, в доме никого нет.

– Я не слышала, как ты поднялся. Думала, ты еще внизу, – объясняет она, не отвечая прямо на мой вопрос.

Конечно, это не объяснение.

– Что ты там увидела? – спрашиваю я, глядя мимо нее на окно.

– Мне показалось, я что-то услышала.

– На что это было похоже?

Лили говорит, что и сама не знает. Просто что-то услышала. Мы стоим, молчим, прислушиваемся. Сначала ничего, потом откуда-то издалека доносятся голоса. Кто-то смеется. Опять подростки дурачатся на дорожке. Это уже не впервые. Ничего плохого они не делают, но несколько раз мы находили окурки и пустые бутылки. Я отношусь к этому спокойно – сам был таким и отчебучивал кое-что похуже.

Я иду к кровати, отворачиваю одеяла.

– Это всего лишь дети. Бояться нечего. Давай, ложись.

Она отворачивается от окна, ложится рядом, но я все еще ощущаю какое-то ее беспокойство. Как будто мое объяснение ее не убедило.

Нина

Должно быть, я уснула с включенным телевизором. Не знаю, что смотрела, но, когда очнулась, шли десятичасовые новости. Экран в темной комнате светится аляповатым пятном, звук гремит на весь дом. Лежу на диване, полузакрыв глаза. Сегодня в городе загорелся и обрушился многоэтажный жилой дом. На южной окраине произошла перестрелка. Это все плохие новости. Их показывают потому, что люди хотят видеть такое. Это болезнь. Дело не в том, что мир изначально плох или что плохое случается чаще, чем хорошее. Дело в том, что нас привлекает плохое. Смерть продается. Я выключаю новости. Терпеть их не могу.

Поднимаюсь, сажусь, потирая затекшую шею. Должно быть, отлежала. Вроде и спала, но отдохнувшей себя не чувствую. Наоборот, ощущение такое, что еще больше устала. Надо как-то добраться до кровати, но Джейка еще нет дома, и я не хочу ложиться спать раньше него. Хочу поговорить с ним. Мне нужно все с ним обсудить. Вчера вечером ситуация накалилась, и теперь я чувствую себя виноватой. Вспоминая, как все случилось, понимаю, что виновата в основном была я. Но вчера мне так не казалось. Я сказала такое, что не следовало говорить, и это гложет меня весь день. Несколько раз собиралась ему позвонить, но не хотела отвлекать, потому что работа у него важная и ответственная, ведь он спасает

людям жизнь. И не любит, когда я звоню ему на работу.

На кофейном столике веером разложены работы моих учеников-отличников. Я только начала их проверять и отключилась. Мы закончили читать «1984», и я попросила ребят написать, чем наше современное общество похоже на оруэлловское. Люблю читать их отзывы. Вообще-то я не собиралась спать так долго. Сказала себе, что просто закрою глаза на некоторое время, а потом займусь проверкой, но, похоже, проспала несколько часов. И теперь чувствую себя виноватой, потому что пообещала детям проверить все к завтрашнему дню. Они так много работали и, конечно же, хотят знать, что у них получилось. Отличники очень строги к себе.

Но сейчас на улице темно, я устала, переживаю из-за того, что случилось с Джейком, и хочу, чтобы он вернулся домой и мы могли поговорить.

Встаю с дивана и иду на кухню за кофе. Давно я не засиживалась допоздна, но, похоже, доброго сна карты мне не нагадали. Заливаю воду в кофеварку, ставлю нагреваться и проверяю телефон, не пропустила ли звонок или сообщение от Джейка. Сейчас десять тридцать пять вечера. Уже должен быть дома.

Сегодня у Джейка приемный день. Обычно в такие дни он возвращается домой раньше, потому все идет по плану. Пациенты приходят на консультацию или на предоперационный прием. Время расписано и может лишь сдвинуться на несколько минут, если пациент опаздывает или Джейк не

успевает. Но это все вопрос минут, а не часов. Потом он занимается бумажной работой. По его словам, такие дни, когда нет операций, обычно скучны. Джейк предпочитает заниматься хирургией, потому что это его призвание и в этом он хорош.

Тем не менее операционные дни получаются на удивление долгими. Джейк просыпается в половине пятого утра, когда на его часах срабатывает будильник. Рабочий день начинается сразу после рассвета с обхода, предварительных осмотров и обсуждения пациентов из подготовленного заранее списка с остальными членами хирургической команды. Нередко эти дни заканчиваются в девять или десять часов. Они не только самые длинные, но и самые непредсказуемые. Есть операции плановые – например, удаление опухоли, – но иногда, как на прошлой неделе, пациент поступает с огнестрельным ранением в голову, и Джейку приходится задерживаться, чтобы попытаться спасти человеку жизнь. Та женщина с огнестрельным ранением умерла. Она и поступила-то практически мертвая. Джейк так и сказал. В том, как он говорит о своих пациентах, есть некоторая отстраненность, но так и должно быть. Хирургу нельзя быть эмоциональным, иначе он не сможет как следует делать свою работу. Есть много исследований, касающихся психологического состояния хирургов на рабочем месте. Для Джейка это началось еще в медицинской школе, где он, имея дело с трупами, относился к ним как к неодушевленным предметам, а не к людям, чтобы их

было легче резать. Для большинства людей встреча с трупом – редкий, незабываемый момент, а для Джейка – частое явление.

В случае с жертвой огнестрельного ранения, как сказал Джейк еще до того, как она попала на операционный стол и он начал ее резать, она уже отдала концы. Ее шансы выжить были ничтожно малы – около пяти процентов, – а шансы на нормальную, полноценную жизнь после такого ранения и того меньше.

– Тебе, наверное, было нелегко браться за операцию, зная, что она, скорее всего, умрет, что твои усилия напрасны, – сказала я сочувственно. В последние месяцы у нас с Джейком не все шло гладко. Он говорит, что это из-за меня, вот я и стараюсь, когда он рядом, слушать его со всем вниманием и не отвлекаться на другие дела.

Джейк – он пил «Виски сауэр» – опустил бокал и пристально на меня посмотрел. Думаю, его задело то, что я сказала. Я вовсе не имела в виду, что то, чем он зарабатывает на жизнь, бессмысленно или не стоит стараний, но он понял это именно так. Я ведь тоже часто чувствую, что занимаюсь тем, что никому не нужно: часами говорю с учениками, которые либо дремлют на уроке, либо не слушают.

– Почему ты был так уверен, что она не выживет?

– При огнестрельном ранении многое зависит от места попадания и траектории пули, – объясняет Джейк. – Та пуля вошла ей в голову в передней части височной доли и прошла

через мозг по срединной линии, что не является идеальной траекторией. – Он говорит это так, словно есть какая-то идеальная траектория прохождения пули через мозг.

– Она умерла во время операции?

– После.

– Отчего?

– Смерть ствола мозга.

– Что это значит?

– Ствол мозга...

Вижу, он думает, как бы объяснить мне это простыми словами. Я не обижаюсь, наоборот. Иногда он бросает термины вроде «бледный шар»² и «акустическая невринома»³, как будто я должна знать, что они означают.

Он так привык, он с легкостью пользуется ими, общаясь с коллегами, и забывает, что я не одна из них, что я не училась много лет в медицинской школе.

– Ствол мозга отвечает за все, что поддерживает в нас жизнь. Дыхание. Кровообращение. Переваривание пищи. Когда ствол мозга мертв, человек тоже мертв.

² *Бледный шар* – это часть базальных ядер головного мозга, расположенная в глубине полушарий. Он играет ключевую роль в регуляции двигательной активности, участвует в обработке сигналов, связанных с движением, и оказывает влияние на тонус мышц.

³ *Акустическая невринома* – это доброкачественная опухоль, которая развивается из шванновских клеток слухового нерва. Она обычно поражает вестибулярный отдел нерва, отвечающий за равновесие, и может вызывать такие симптомы, как шум в ушах, потеря слуха или головокружение.

– То есть это похоже на вегетативное состояние? – уточняю я.

– Нет. – Он смакует коктейль, а я жду объяснения. – Это другое. У человека в вегетативном состоянии ствол мозга еще может функционировать.

– Сколько ей было?

– Двадцать девять.

– Кто ее застрелил?

– Муж.

Лучше бы не спрашивала. Я не хотела этого знать. В отличие от Джейка я не могу отгородиться от того, что происходит не со мной. Я думала об этом по крайней мере следующие двадцать четыре часа, пыталась представить, что же произошло между ними, что заставило мужа выстрелить ей в голову.

В те дни, на которые назначены операции, Джейк может задержаться допоздна. Если операция срочная, он остается до самого ее окончания. Но сегодня не операционный день, и он должен был вернуться еще несколько часов назад. Я пытаюсь дозвониться, но телефон выключен или разряжен, потому что я сразу попадаю на голосовую почту. Мне трудно представить, чтобы у Джейка разрядился телефон. Я оставляю голосовое сообщение и, стараясь говорить спокойно, прошу позвонить мне, когда будет возможность. Я не говорю, что беспокоюсь или мне хотелось бы знать, где он. Допускаю, что могла что-то перепутать и у него сегодня опера-

ционный день. В последнее время я немного рассеянная. У моей мамы проблемы со здоровьем. Во-первых, она слепнет, а теперь у нее еще обнаружили новообразование в левой груди. Нужно сделать биопсию и посмотреть, злокачественное оно или доброкачественное. Я пессимист, так что для себя уже заранее все решила и теперь думаю, что делать: сохранить грудь или избавиться от нее.

Моя мама не может принять решение, от которого зависит ее жизнь, так что это все на мне. Она не так уж и стара, но оба заболевания – макулярная дегенерация ⁴ и рак груди – заложены в ее генах, а значит, и в моих тоже. Ей постоянно назначают приемы и консультации: терапевт, маммолог, офтальмолог, а впереди еще хирург-онколог. Из-за мамы мне приходится брать отгулы на работе. Когда я не в школе, я на приемах, когда не с мамой, то думаю и беспокоюсь о ней. И вот в таком состоянии приходится что-то выбирать – например, лампэктомию или мастэктомию ⁵, – зная, что, если я сделаю неправильный выбор, мама может умереть. Вот только вчера вечером я все перевернула с ног на голову, выставила виноватым его. Мы накричали друг на друга, и Джейк взял свою подушку и устроился спать на диване, а утром ушел, почти не поговорив со мной и толком не попрощавшись. Те-

⁴ *Макулярная дегенерация* – возрастное заболевание сетчатки, поражающее центральное зрение, и ведущая причина его потери у людей старше 50 лет.

⁵ *Лампэктомия* – операция по удалению опухоли молочной железы с сохранением ее основного объема. *Мастэктомия* – хирургическое удаление всей молочной железы, часто при лечении рака.

перь его нет дома, он не отвечает на звонки, и я боюсь, что знаю почему.

Кристиан

Просыпаюсь посреди ночи и понимаю, что Лили плачет.

– В чем дело, милая? Что не так? – Я поворачиваюсь к ней. Она уже не плачет, а только тихонько шмыгает носом, но я слышу. И сейчас я не только слышу, как она хнычет, но и чувствую, как она дрожит.

Лили лежит ко мне спиной и на мой вопрос не отвечает.

– Что-то приснилось?

Ее затылок прижат к моей груди, и я ощущаю, как она кивает.

– Вот что, я сейчас принесу тебе воды.

– Нет, не надо. – Она находит мою руку. – Пожалуйста, не уходи. Останься со мной.

Ладно. Я опускаю голову на подушку и обнимаю Лили.

Если бы я не знал ее так, как знаю, то подумал бы, что она напугана.

Утром Лили просыпается раньше меня. Как всегда. Принимает душ, одевается и спускается вниз. Когда я выкатываюсь наконец из постели и спускаюсь в кухню, она уже стоит у островка и ест тост.

– Скажешь мне, что это было? – Я подхожу к островку с другой стороны. – Что тебе приснилось?

Лили смотрит на меня.

– Дело не во сне, – неохотно признается она.

Я киваю.

– Ты о чем-то подумала, да? Что тебя так расстроило?

Лили долго молчит.

– Вчера после работы я пошла прогуляться в Лэнгли-Вудс.

Лэнгли-Вудс – большой лесной заповедник. Мы с Лили бывали там раньше – ходили туда на пробежки или выгуливали собаку, когда она у нас была. Это недалеко от нашего дома. Там есть дамба с небольшим водопадом и пешеходные тропы, целых шестнадцать километров.

– Доктор сказал, что мне это нужно. И безопасно, – напоминает она, как бы объясняя то, что еще не сказала, и подводя к выводу, что случившееся не ее вина.

Лили бегает на дальние дистанции, но с бегом пришлось завязать после того, как она узнала, что беременна. У нее уже случилось три выкидыша, причем каждая беременность прерывалась до конца первого триместра. Лили винит себя, как будто каждый раз это случалось из-за того, что она сделала что-то не так или, наоборот, не сделала то, что следовало сделать.

– Все в порядке, – киваю я. – Прогулка, свежий воздух. Это хорошо.

Я говорю спокойно, даю понять, что я на ее стороне, но сердце стучит побыстрее, и я уже настраиваюсь на то, что Лили сейчас скажет. А скажет она, что вчера снова потеряла ребенка.

Ладони липкие от пота. В последний раз это случилось на

девятой неделе беременности, как сейчас. Мы уже побывали у врача. Лили сделали УЗИ и нам дали послушать, как бьется сердце ребенка. Врач сказал нам, что после обнаружения сердцебиения плода риск выкидыша снижается до нескольких процентов, четырех или пяти, я не помню.

И все же врач ошиблась. Вселила ложную надежду. Мы не думали, что на этом этапе может случиться что-то плохое. Увы. К тому времени у Лили уже были повторяющиеся выкидыши. Она не была похожа на других женщин, которых видела эта доктор, и, как оказалось, входила в те самые четыре или пять процентов.

Это случилось, когда Лили была на работе и участвовала в совещании по оценке эффективности образования. В какой-то момент она почувствовала что-то, но осталась сидеть до конца и поднялась, только когда остальные вышли. Она встала и увидела кровь на стуле. Нельзя сказать, что это было полной неожиданностью, но удар не становится слабее оттого, что ты его ожидаешь.

Лили тянется к бутылке с водой, и рука ее дрожит. Она откручивает крышку, подносит бутылку ко рту и делает большой глоток. Потом медленно ставит ее на столешницу и закручивает крышку.

Она ищет слова, чтобы сказать мне, что ребенок мертв, что она потеряла его вчера, когда была в Лэнгли-Вудс. Она вернулась домой, приняла душ, смыла кровь. Ребенка больше нет. Вот почему она была так расстроена вчера вечером.

Теперь ей сделают операцию, чтобы вычистить то, что от него осталось. Известная процедура. Мы ее уже проходили, так что для нас ничего нового в этом нет.

– Там был Джейк Хейз, – дрожащим голосом говорит она.

Этого я не ждал, и теперь проходит несколько секунд, прежде чем мысли о выкидыше сменяются лицом Джейка.

– Да? – спрашиваю я с таким облегчением, словно с плеч свалилась гора. Значит, это никак не связано с ребенком. Я выдыхаю и чувствую, как уходит напряжение, как понижаются плечи. Говорят, что эмоциональная боль гораздо сильнее любой физической, поэтому облегчение от нее более глубокое. С ребенком все в порядке. Я все же буду отцом. И это главное. – Ты с ним разговаривала? Как он? Давненько мы его не видели. Месяцев, наверное, шесть, да?

Нина Хейз работает в той же средней школе, что и Лили. Они с Джейком наши друзья. Лили видит Нину почти каждый день. С Джейком иначе, он ведь хирург и очень занят.

Я вдруг замечаю, что Лили дрожит уже всем телом. Началось с рук, потом перешло на голос и вот...

– Ты не замерзла? – Я обхожу островок, беру ее руки в свои и начинаю растирать.

В доме не холодно, и я даже в декабре приоткрываю окно. Но сейчас-то сентябрь. Включать отопление рано, днем температура поднимается выше двадцати пяти, хотя ночью падает до десяти и ниже.

– Ты в порядке? Как себя чувствуешь? – Тыльной сторо-

ной ладони касаюсь ее лба. Жара нет, но я все же предлагаю Лили не ходить на работу. – Скажи, что приболела, возьми отгул. Отдохни.

– Не могу. Даю завтра тест и обещала ребятам, что сегодня будем готовиться. – Лили слишком добросовестная, и это ее слабость. Если, конечно, это слабость.

– А заменить тебя никто не может?

Лили качает головой.

– Нет. Это нужно сделать мне. Только я знаю все ответы, и только я могу объяснить все правильно. Если я пропущу сегодня, тест придется отменять, и тогда мы отстанем.

– И что?

– Нет, не стоит. Со мной все в порядке, – твердо говорит она, отводя мою руку. – Я справлюсь. Отосплюсь потом, когда вернусь.

– Завтра уже среда. Еще два-три дня – и уик-энд, а там ты можешь все сорок восемь часов не вылезать из постели. И я буду исполнять все твои прихоти: тереть спинку, массировать стопы, подавать завтрак в постель. Все, что пожелаешь.

Три дня до уик-энда – так себе утешение, но я стараюсь. И она улыбается.

– Звучит заманчиво.

Лили оставляет тарелку с половиной тоста, берет свою бутылку с водой и направляется к двери гаража. В последнее время она чаще носит брюки, так как дни становятся прохладнее, и к тому же в них ей комфортнее. Сегодня на ней

легинсы с эластичным поясом. В весе она прибавила, может быть, фунт-другой, что заметно ей и никому больше.

Лили никому не говорила, что мы ждем ребенка.

Легинсы смотрятся на ней потрясающе, но, впрочем, на ней все выглядит потрясающе.

У двери она поднимает и вешает на плечо сумку. Сумка, по-моему, тяжелая, и я спешу на помощь, но Лили говорит, что все в порядке.

– Точно?

– Да, точно. Хорошего дня. Люблю.

– Эй!

– Что?

– Ты сказала мне, что видела Джейка, – говорю я, только сейчас об этом подумав.

Она останавливается, ее рука на дверной ручке.

– У него все хорошо?

Лили медленно поворачивается и смотрит на меня, потом на часы над моей головой. Я оглядываюсь через плечо. Часы огромные, и маленькая стрелка показывает на римскую цифру шесть. У Лили занятия начинаются около семи, что, на мой взгляд, просто нелепо. Какой, скажите на милость, старшеклассник, встав к семи, уже проснулся и готов работать на все сто? Лили уходит на работу затемно, и единственный плюс в том, что она возвращается домой до трех часов, на несколько часов раньше меня. Я не завидую ей по утрам – только после ланча.

– Мне надо идти, – говорит она, – а то опоздаю. Расскажу вечером, ладно?

– Ладно. Люблю тебя.

Лили уезжает. Я иду к входной двери и оттуда провожаю ее машину взглядом, пока она не сворачивает на улицу.

Впереди у меня рабочий день. Следующие восемь часов я уже не думаю ни о Джейке Хейзе, ни о том, что Лили собиралась рассказать мне о встрече с ним.

Нина

Джейк так и не вернулся домой.

Думаю только об этом, ни о чем другом не могу.

Я не спала до двух часов ночи, проверяла работы или, во всяком случае, пыталась это делать, но проверить все так и не успела. Телефон держала рядом на случай, если он попытается позвонить или написать. Он не позвонил. Я отправила ему три эсэмэски и голосовое сообщение. Сказала себе, что он позвонит, когда будет готов к разговору. Усугублять ситуацию, раздражая его, мне не хотелось. Он не пришел домой по какой-то причине, и этой причиной была я. И вот теперь он не хочет меня видеть и не хочет со мной разговаривать. Я все испортила, а Джейк обиду держит долго. Что, если он меня не простит?

Сейчас идет третий урок, дети перевозбуждены, и в школе шумно.

Кто-то случайно устроил пожар в учебной кухне, и сработала сигнализация. Примчалась пожарная команда, и нам пришлось выйти на улицу. Все произошло быстро, мы пробыли на улице не более пятнадцати минут, но обычный ритм нарушился. Часть детей вернулась на свои места, другие слоняются по классу или тянутся неторопливо, останавливаясь поболтать с друзьями.

– Ребята, давайте сосредоточимся, – призываю я, хлопая

в ладоши, хотя и сама далеко не образец деловитости. Если бы не студент-практикант, наблюдающий за мной с задней парты, я поставила бы фильм и на этом закончила. – У нас совсем мало времени.

На этом уроке у меня обычные дети. Они хорошие, но не такие увлеченные, не такие добросовестные и не такие дисциплинированные, как отличники. Мне пришлось три раза призывать их вернуться за парты и еще один – успокоиться. Напрасный труд. Не успели они стихнуть, как прозвенел звонок.

Ребят ждет следующий урок, а я возвращаюсь к своему столу, выдвигаю верхний ящик и достаю телефон – проверить, не звонил ли Джейк. И тут ко мне заглядывает учитель из соседнего класса, Райан Шредер.

– У нас сегодня что-то вроде цирка.

Я уже достала телефон, смотрю, и мое лицо, должно быть, выдает разочарование. Я слышу Райана, но не могу ни посмотреть на него, ни ответить, потому что ужасно расстроена – на экране только заставка, наша с Джейком фотография.

– У тебя все хорошо? – не дождавшись ответа, мягко спрашивает Райан.

Джейк не позвонил. Сердце сжимается, и я отправляю еще одно сообщение, убеждая себя, что это последнее, если он не выйдет на связь.

Пожалуйста, позвони, Джейк. Мне так жаль. Давай поговорим. Ты был прав. Я была неправа. Скучаю по тебе. Люб-

лю.

Прошлую ночь Джейку наверняка пришлось провести в отеле. Он не из тех, кто навязывается и спит на диване у друга. Тем более не из тех, кто стирает на публике свое грязное белье. Нет, он предпочел бы переночевать в хорошем номере с обслуживанием.

Я думаю о том, как он пользовался всеми доступными за деньги услугами, в то время как я не спала, вычитывала учебные работы и беспокоилась о нем всю ночь напролет. И вот сегодня, едва живая, я пытаюсь как-то прожить этот день, но уже беспокоюсь о том, что будет, если он не вернется домой и сегодня вечером. И долго ли еще он намерен мучить меня и не отвечать на мои звонки и сообщения?

Интересно, как он решил вопрос с чистым бельем? Может быть, приехал домой после того, как я ушла, и переоделся? Сходил в магазин и купил что-нибудь новое? Или довольствовался тем, что нашел на работе? Дело ведь не только в белье и одежде. А зубная паста, дезодорант? Если я, вернувшись после работы, их не обнаружу, то буду знать, что он заходил домой, когда меня там не было.

Той ночью я наговорила лишнего, чего на самом деле не хотела, и самое страшное – *если тебе здесь так не нравится, почему бы просто не уйти?*

Как говорится, будь осторожен в своих желаниях.

Тебе бы этого хотелось, да? – спросил Джейк.

Мы были в спальне, стояли по обе стороны кровати, как

два врага. Мне бы сказать, что нет, что я бы этого не хотела, но я молчала и только смотрела на него в упор. Он воспринял мое молчание как согласие. Это была не первая наша ссора, но впервые мы перешли на такой уровень. Ссоры из-за времени, которое я провожу с матерью, из-за того внимания, которое я ей уделяю, стали для нас обычным делом. Раньше он не хотел, чтобы я бывала с ней, он хотел, чтобы я полностью посвящала себя ему, и я бы солгала, если бы сказала, что мне это не нравилось. Но потом у матери начались проблемы со здоровьем, и я уже не могла – да и не хотела – пренебрегать своими обязанностями. Мать есть мать.

– Нина?

Я возвращаюсь в класс. Отбрасываю посторонние мысли. Сердитое лицо мужа исчезает, а на его месте появляется сочувствующее лицо Райана. Он уже вошел в класс и смотрит на меня с любопытством и интересом, слегка склонив голову набок.

– Все в порядке?

Студент-практикант все там же, за последним столом, строчит в блокноте и делает вид, что не слушает. Хотя ему, наверное, двадцать один или двадцать два года, то есть по закону он взрослый, на самом деле это еще мальчик в мужском теле, с коротко постриженными светлыми волосами, мечтательными зелеными глазами, пушком на лице и некоторым количеством прыщей. Он нравится детям, хотя с таким же успехом мог бы быть одним из них.

– Извини, Райан, задумалась. – Я качаю головой. – Ты что-то говорил?

– Да, насчет пожарных учений. Это похоже на цирк.

– Еще раз извини. Дети такие взвинченные. У меня просто не было сил воевать с ними, когда до звонка оставались минуты.

– Не извиняйся, – говорит Райан. – Я заглянул просто так. Хотел удостовериться, что они не связали тебя или не натворили чего-то еще. – Он смеется.

Я выдавливаю улыбку, но мне все еще неудобно из-за того, что я допустила такой шум в классе, что его было слышно даже за закрытой дверью. И что только подумал мой студент-практикант? Нет, мне следовало утихомирить детей и навести порядок. В конце концов поддержание дисциплины – моя обязанность. Бросаю взгляд на телефон – не пропустила ли сообщение. Это, конечно, не ускользает от внимания Райна.

– У тебя действительно все в порядке?

– Да, конечно. Просто мне нужно бежать... увидеть Лили. Ты не против?

– Вовсе нет.

Райан отступает, чтобы я могла пройти, и я протискиваюсь мимо него в дверь. У меня нет четвертого урока. Я говорю студенту, что скоро вернусь, и иду в математический класс к Лили.

Сейчас перемена, а на переменах дети всегда толпятся

в коридоре, так что пройти трудно даже учителю. Старшеклассники еще и ростом со взрослого, и мои метр семьдесят большого преимущества не дают, так что, если не обращать внимания на то, как я одета, отличить меня от учеников непросто. В общем, толпа передо мной не расступается.

Добравшись до места, заглядываю в открытую дверь. В отличие от меня у Лили сейчас будет урок. До звонка еще пара минут, и класс заполнен не больше чем на треть. Дети гуляют по коридору, болтают с друзьями, и на урок никто не спешит.

Лили за своим столом разговаривает с Колином Майнером, мальчиком, который учится и у нее, и у меня. Она миниатюрная, и Колин рядом с ней выглядит совсем уж великаном. Еще она невероятно красивая. Сегодня на ней клетчатые легинсы, надеть которые может позволить себе только кто-то вроде нее. Еще на ней свитер с высоким воротом, свободный, но не мешковатый. С такой фигурой можно носить все. Свитер чуть прикрывает бедра, длинные темные волосы волнами стелются по спине. Косметикой Лили почти не пользуется – она ей просто не нужна. Я не раз слышала, как девочки восхищаются Лили, то есть миссис Скотт, называют ее красивой и милой. Подростки ее любят, и это большое достижение, ведь на подростков, как известно, трудно произвести впечатление, особенно если ты – учитель математики. Не секрет, что почти никто не любит математику. Впрочем, и английский тоже не пользуется большой симпатией – тинейджеры вообще любят только свои телефоны и друзей,

но английский, по крайней мере, большинству дается легче, чем алгебра.

Увидев меня в дверях, Лили улыбается, кивает и машет рукой. В ее глазах я вижу беспокойство и вопрос. Ей интересно, что я здесь делаю. Наши классы находятся на одном этаже, но довольно далеко друг от друга, а поскольку перемены короткие, к Лили в течение дня я заглядываю нечасто.

– Нина, привет. – Она идет ко мне, а Колин Майнер возвращается на свое место.

– Привет. – Вблизи Лили выглядит далеко не так идеально, как издалека. Она выглядит уставшей, хотя мне ли об этом говорить. Под глазами мешки, и сережка только одна – серебряное колечко с жемчужинкой; эти сережки она носит каждый день.

– Можно тебя на секундочку? – спрашиваю я.

– Ну конечно, только дай мне минутку.

Звенит звонок, последние школьники бегут к своим местам. Лили дает им задание, и мы вместе выходим в коридор. Она прикрывает, но не закрывает дверь, чтобы присматривать за классом.

– Что случилось?

– У тебя одной сережки нет, – говорю я.

Она машинально вскидывает руку, касается пальцами мочки уха.

– Ох... – Выражение ее лица меняется. Похоже, потеря сережки очень ее расстроила. – Спасибо. – Она хмурится,

снимает единственную сережку, зажимает в кулаке и складывает руки на груди. – Все в порядке?

– Нет. Не думаю. – Я чувствую, как к глазам подступают слезы. Вообще-то я не плакса, но усталость, бессонная ночь и молчание Джейка – убойная комбинация.

– Нина. – Лили смотрит на меня сочувственно. Плач – вещь заразительная; она сама моргает, как будто едва сдерживает слезы, тянется к моей руке, пожимает. Я пожимаю ее в ответ. – В чем дело? Что случилось?

С Лили я всегда откровенна. Мы с ней знаем друг дружку уже несколько лет, и мы не просто коллеги, а настоящие подруги и делимся практически всем. Лили никогда никого не осуждает. Ее брак с Кристианом тоже не идеальный, потому что идеальных не бывает. Как и все, они иногда ссорятся. Каждая пара проходит через трудные времена.

– Мы с Джейком позавчера поругались по глупости. По глупости, но крепко. Я сказала кое-что, чего не следовало говорить. И он тоже сказал немало такого... обидного. Мы и раньше, случалось, ссорились, но в этот раз вышло намного хуже.

– Почему? – спрашивает она, хотя ее ждет целый класс.

– Потому что, – говорю я и на мгновение запинаюсь, потому что признаться в этом стыдно, а еще потому, что сказанное вслух становится реальностью. – ...потому что он не ночевал дома.

Глаза у нее делаются большие, рот приоткрывается, она

роняет мою руку, потому что обе ее безвольно повисают. Уже в следующий момент она замечает эту свою непроизвольную реакцию и пытается сыграть назад, потому что не хочет огорчать меня еще больше.

– Боже мой, Нина, мне так жаль. – Она моргает и, пряча удивление за сочувственной улыбкой, снова берет меня за руку.

– Плохо, да? – спрашиваю я. – То, что он не пришел домой. Кристиан когда-нибудь не приходил?

Лили качает головой – нет, хотя я надеялась на другое. Люди ссорятся. Ругаются. Обижают и обижаются. Не бывает так, чтобы уже на следующий день после ссоры оба притворялись, будто все в порядке. Всему нужно время. Если бы Джейк пришел домой, мы, наверное, снова бы поругались, потому что эмоции еще не остыли. И что бы в этом было хорошего?

– Нет, – говорит Лили. – Извини. Хотела бы я сказать да. Он всегда приходил домой. Но это ведь только Кристиан. Он всегда уступает первым, когда мы ссоримся. Я даже не уверена, что он искренен, когда извиняется и говорит, что ему жаль. Просто он терпеть не может конфликты и готов на все, чтобы их избежать.

Так мило. И так похоже на Кристиана. Он действительно хороший парень. Но из-за этого я чувствую себя еще хуже во всей этой ситуации с Джейком. Лучше бы Лили просто солгала, сказала да, чтобы мне было легче. В любом случае

я бы не знала, так это на самом деле или не так.

– Ты пробовала ему звонить? – спрашивает Лили.

– Да, много раз. Попадаю на голосовую почту.

– А из-за чего вы поссорились?

Ответить я не успеваю – класс как будто взрывается.

Должно быть, кто-то что-то отчудил, и теперь все покатываются со смеху. Некоторые выскочили из-за парт, и никто уже не делает то, что задала Лили.

– Послушай, – говорит она, – мне надо вернуться в класс.

Поговорим позже, ладно?

Она еще раз пожимает мне руку, и я говорю да: *конечно, извини, что задержала.*

Но позже, после занятий, когда я захожу к ней в класс, ее там уже нет. Лили ушла.

Кристиан

Сообщение от Лили приходит в двадцать минут третьего. Когда я на совещании. Мы сидим за столом, обсуждаем заказанное клиентом исследование. Я смотрю на телефон.

Можешь уйти пораньше? Встретишь меня дома? Если нет, ничего страшного.

Лили в своем стиле, она никого не хочет дергать.

– Послушайте, – говорю я коллегам, все еще глядя на экран и снова думая о том же: Лили потеряла ребенка. Если не вчера, то сегодня. Я отодвигаю стул и встаю. К счастью, это еще не встреча с клиентом. Если я сейчас уйду, ничего страшного не случится. Собираю вещи и задвигаю стул. – Ничего не могу поделать, мне надо бежать.

Через пять минут я уже в машине и выезжаю с парковки. А еще через две минуты мчусь на восток по восемьдесят восьмому шоссе, и спидометр показывает сто тридцать километров в час.

Когда я вхожу, Лили снова в том же кожаном кресле. Кресло вращающееся, и сегодня оно повернуто к гаражной двери, так что она видит, как я въезжаю и отпираю запертую на замок дверь. Это впервые. Обычно мы оставляем ее открытой. Должно быть, Лили заперла ее по ошибке.

– В чем дело? – спрашиваю я и, бросив ключи на островок, подбегаю к ней.

Как и ожидалось, день выдался теплым. Едва выглянуло солнце, как температура поднялась градусов на десять. Теперь оно светит в окна с тыльной стороны дома, и лучи падают на колени Лили. Из-за жары она разделась до топа и легинсов и сидит, подобрав ноги под себя. На руке и плече у нее царапины, некоторые довольно глубокие. Я вижу их впервые.

– Что случилось? – Я опускаюсь на пол рядом с ней, провожу по царапинам пальцем, поднимаю голову и ищу ее глаза. – Ты упала?

Глаза мокрые – я понимаю, что она плакала. Говорить Лили не хочет. Я встаю, иду за антисептиком и антибактериальной мазью, а вернувшись, занимаюсь царапинами. Она сидит словно тряпичная кукла и даже не поворачивает руку, так что мне приходится делать все самому.

– Рассказывай, – говорю я. – Что с тобой случилось? – Думаю, что она споткнулась и упала на живот. Ребенок мертв. Так и должно было случиться.

Она молчит.

– Лили, зачем ты вызвала меня домой? Зачем я тебе понадобился?

– Извини. Мне нужно было подождать, пока ты закончишь. Не надо было тебе писать.

– Все в порядке. День сегодня спокойный. Но теперь я здесь, так что рассказывай.

Вообще-то день не такой уж и спокойный. Помимо встре-

чи с коллегами во второй половине дня я все утро общался с клиентами, знакомился с потенциальными заказчиками и информировал уже имеющихся о ходе работы. Сейчас у меня несколько проектов, и я должен быть уверен, что по всем направлениям дела идут гладко. Обычно я работаю с девяти до пяти, но сегодня не успел сделать все запланированное, а значит, завтра придется наверстывать упущенное. Но это не важно. Главное – Лили.

Она закрывает глаза и глубоко вдыхает.

– Пожалуйста, Лили.

Ее руки лежат на коленях, пальцы сжаты в кулачки. Она раскрывает одну ладонь, и я вижу на ней сережку. Я подарил ей эти сережки много лет назад, на нашу пятую годовщину. Пятая годовщина по традиции считается деревянной, поэтому я спрятал серьги в деревянную шкатулку с выгравированным на крышке ее именем. Лили сказала, что они ей понравились, и с тех пор она носит их практически каждый день.

– Мне так жаль. Извини. Я потеряла одну.

Я смотрю на нее и не могу поверить, что она так расстроилась из-за сережки.

– Не переживай. – Я качаю головой. – Невелика потеря. Они же были дешевые, наверное, долларов двадцать пять стоили. – Это, конечно, не так. Серьги из белого золота с жемчугом обошлись мне в пару сотен долларов, но это не важно, главное, что Лили и ребенок целы. – Я куплю тебе другую пару. Так ты из-за этого так расстроилась?

Тут я вспоминаю царапины и ее пустые глаза и понимаю, что дело не только в потерянной сережке.

Лили качает головой.

– Я говорила тебе, что видела Джейка Хейза в Лэнгли-Вудс, – медленно говорит она, и я снова застигнут врасплох, потому что думал только о ребенке. При чем тут Джейк Хейз? По правде говоря, я уже забыл, что накануне она упоминала, что видела его на прогулке.

Я киваю.

– Да, говорила.

Она отводит глаза, смотрит через окно на реку. В солнечных лучах вода кажется голубой. Мягкий ветерок колышет листья и по поверхности воды идет мелкая рябь. Чайки проносятся над ней и пикируют, завидев рыбу.

– Я не все тебе рассказала, – не глядя на меня, говорит Лили.

– Ладно. – Я убираю мазь, мягко сжимаю ее лицо ладонями и поворачиваю к себе. – Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все. Что бы ты ни сказала, мои чувства к тебе не изменятся.

– Я просто гуляла, как сказала доктор. Она сказала, что небольшие нагрузки могут помочь справиться с тошнотой и слабостью.

– Да. Помню, она именно так и говорила.

– День был такой хороший, и мне было приятно пройтись. Я так радовалась, что у меня еще есть силы на прогулку, по-

тому что перед этим я чувствовала себя такой усталой, помнишь?

Я киваю. Да, все так и было.

– Я оставила машину на парковке возле Райли-роуд и собиралась пройти пару километров, а потом повернуть назад. Не хотела утомлять себя. Там были и другие люди. Не очень много, но по крайней мере я не была одна. И на парковке стояло, наверное, с полдюжину машин. На тропе я встретила несколько человек, так что мне и в голову не приходило, что там может быть какая-то опасность.

Я сглатываю подступивший к горлу комок. Почему она говорит о какой-то опасности? Снова смотрю на ее руку.

– Что случилось, Лили?

Вижу, как она нервно облизывает губы.

– Я увидела Джейка и сначала обрадовалась ему. Удивилась, конечно, что он там, но обрадовалась. Мы так давно не виделись. Разговорились. Он сказал, что у него плохой день. Умер пациент. Причем уже не первый на этой неделе. А я и не знала, что у него пациенты умирают. Думала, он всех спасает. В общем, его это тяготило. Сказал, что такое бывает редко, но так сложилось, что на этой неделе пациенты были тяжелее, чем обычно. Наверное, Джейк поэтому туда и приехал – развеяться, выпустить пар. Какое-то время мы шли вместе, разговаривали. А потом, не знаю, он предложил пойти в лес по одной из необозначенных дорожек. Сказал, что видел оленей на той тропе и хочет проверить, там

ли они еще. По его словам, это была мать с двумя пятнистыми оленятами. Мне, конечно, следовало отказаться. Но это же Джейк, понимаешь? Я знаю Джейка. Он ведь не какой-то чужак.

Лили умолкает, и эта пауза, это напряжение меня убивают. Я знаю, что она скажет, или, по крайней мере, думаю, что знаю. Но мне нужно, чтобы это сказала она.

– Что он сделал, Лили? Он приставал к тебе?

– Мне так жаль. – Ее голос дрожит. Она не плачет, но слезы уже готовы пролиться. Дыхание тяжелое, как будто через силу. – Прости.

Я беру ее лицо в свои ладони. Смотрю ей в глаза.

– Тебе не за что просить прощения. Ты ни в чем не виновата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.